

Не будите спящего героя

Сергей
Алферов

Сергей Алферов

Не будите спящего героя

«Автор»

2023

Алферов С.

Не будите спящего героя / С. Алферов — «Автор», 2023

Богатыри из далекой приграничной деревни являются в княжескую столицу зарабатывать славу. Но подвиг - дело коллективное и хлопотное. Злокозненный колдун-разбойник, которого они пленили, сбегает и задумывает лютую месть. Обложка создана с помощью нейросети Dream by Wombo.

© Алферов С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Алферов

Не будите спящего героя

Глава первая

Чистый голос труб принёсся с ветром, смахнул с гнутой акации увядшие листочки и полетел дальше, прыгая по деревенским кровлям.

Горчак приподнялся на локте и прислушался: не иначе, глашатай дудит.

Трубы прозвенели во второй и в третий раз, но уже не отвлекли его от дела: парень, растянувшись на вытертом шерстяном плаще, изучал одинокий сорняк с бело-розовым цветком, похожим на растрёпанную макушку. И когда успел вырасти? Раньше его здесь не было – парень всё бабье лето пролёживал бока под забором и изучил каждый кустик и травинку.

Знакомый цветочек. Когда Горчак бесштановым огольцом носился по оврагам, бездетная бабка Мякуша, приютившая всех деревенских сирот, вылавливала его и гнала на грядки, воевать с сорняками. Самым страшным врагом она называла этот, с виду безобидный, цветок. Добрая бабка хитро шурилась, называя сорняк по имени, а куча её приёмных внуков хохотала, тыкая пальцем в Горчака – цветок был его тёзкой.

Парень сгрёб в кулак стебель и резко дёрнул. Вырванный сорняк полетел на дорогу.

Когда померла бабка Мякуша, дважды сироты сунулись было к соседям, но время наступило трудное, и лишние рты никому не требовались. На юге разгоралась война. Не заурядная, летняя, от посева до сбора урожая, в которой и гибли-то редко, а безобразная, с выжженными сёлами, отравленными колодцами, вереницами угоняемых в плен людей, чёрными от горя вдовами. Горчак, с ватагой таких же сорняков, ночевал на деревьях, кормился щавелем и орехами, кое-как запечённой на углях рыбой и тем, что удавалось стащить с чужих огородов.

Война не закончилась осенью. И зимой. Весной бабы, надрываясь, работали за мужей. А летом князь недоглядел, пропустил недруга за спину, и по полям и весям приграничных деревень прокатилась тяжёлая конница. Всем – голодать, а сиротам – помирать. Когда княжеский посланник приехал в Затон за новым ополчением, внуки бабки Мякуши явились к нему выгоревшей костлявой гурьбой, словно ватага маленьких смертей. Над ними сжалились и не прогнали.

Горчак посмотрел на ямку, оставшуюся на месте вырванного цветка. Выползет, паршивец. Живуч он, как сто кошек. Останется в земле хоть маленький кусочек корня – вырастет новый сорняк. Выполешь его за лето пять раз, десять, а ему – хоть бы что.

Половину сирот выбили в первом же бою. Неприятельская конница хитроумным манёвром прорвалась в тыл, к обозу, и покрошила мальчишек, стариков и калек, охранявших скарб. Тогда Горчак впервые увидел, как худосочный мальчишка прямо насаженной косой рассекает горло боевому коню в яркой попоне. Как щурясь и моргая от брызнувшей в лицо горячей крови, он пихает остриё в щель забрала разбившегося всадника. Наблюдал он за этим как бы со стороны, хотя руки, держащие косарь, росли из его плеч.

Сорняк растёт медленно и незаметно глазу, но не выдерешь его с корнем, не высушишь и не сожжёшь на укатанной глине, – и готово: вытянется, достанет до подземной влаги, окрепнет и пойдёт в рост.

Правду говорят бывалые люди: на поле брани один день считается за три, потому и растут на войне быстрее.

Горчак тянулся к солнцу. Сначала робко, хоронясь за спинами старших, цеплялся за копьё и жмурился от страха при виде сотрясающей землю тяжёлой рыцарской конницы, но

вбирал помаленьку силу и смелость, и вот уже за его спиной съёживались другие, а он в первом ряду метил рогатиной в лошадиный круп. Ловкий, злой, с головой на плечах, он недолго пробыл в босой пехоте. И ведь бродяга без роду-племени, сирота. Если б не война – горбатил бы спину, таская борону, а тут приметили его. Плевать войне на род и племя. Ольгост и Смертонос, два старых рубаки, княжеские воеводы, взяли его под крыло. Меч, лук, копьё и боевой конь – всё Горчаку было по плечу. Восемь лет – не один день. Трудно и кроваво гнали княжеские дружины войну с родных земель на вражеские, а потом и закончили вовсе, принеся князю и его державе славу и богатство.

В отчем Затоне Горчака встретили, как родного. Многие припомнили его имя, и как порой подкармливали сиротинушку. Даже те, от кого ему ничего, кроме хворостины и камешки промеж торчащих лопаток, не доставалось. Парень не стал гадать, проведали односельчане, что он заканчивал войну в наёмном полку, где платят щедрым золотишком, или же вправду радуются каждому вернувшемуся мужику. Приняли – и ладно.

Он напросился в дом деревенского старосты, толстого Венда, хозяина расторопного и бережливого. До того расторопного, что за войну хозяйство его только умножилось. Горчак ссыпал в общий котёл заработанное, и зажил припеваючи. Ест как гость, по правую руку от хозяина. Работает как гость – то есть никак. Соседи порадовались вслух чужому счастью, словно староста домового пригрел, а про себя посетовали, попыхтели, да принялись дочек наряжать и отправлять под вендовы окна.

Гомон, слабо доносившийся с окраины деревни, теперь приближался. Затон – деревенька небольшая, три дюжины дворов, и от околицы до Срединного столба, где раскинулся обширный двор вендова хозяйства – рукой подать. Народ шёл обсуждать весть глашатая, а где это делать как не возле дома старосты?

Горчак приподнялся на локте. Мимо проходили мужики и старшие парни. Между ними, как щенята, скакали детишки. Все косились на бывшего наёмника и проходили во двор. Там уже готовились к сборищу. Звенел голосок хозяйки, подгоняющей неповоротливых работниц. Составляли в длинный ряд столы. Из погреба тащили снедь и мутные бутылки. Деревня: чуть что – так гулянье!

Горчак придержал сероглазого мальчонку в длинной, до пят, неподпоясанной рубахе.

– Что за суетня?

– Как – что?! – ахнул сорванец, потешно размахивая руками. – Принцессу в жены! Полкняжества в придачу! А он спрашивает!

– Какую ещё принцессу? Княжну, что ли?

Мальчонка отмахнулся и нырнул в толпу, намереваясь пролезть во двор и подслушать всё, от начала до конца.

Горчак нахмурился. Ему казалось, что жужжащие полуденные мухи, вечерний собачий лай, крики петухов по утрам – это навсегда, ничто не приневолит его оставить нагретое местечко. Ещё вчера, наблюдая, как парни бьются на деревянных мечях и пускают стрелы в соломенное чучело, он только посмеивался, но сейчас до зуда в ладонях захотелось погладить шершавую рукоять и тронуть пальцами тихо гудящую тетиву.

Сорняк на дороге, истоптанный дюжиной ног, растерял лепестки, но под землёй уже тянулся к солнцу новый тёзка.

Со двора доносился шум, но разобрать, что болтают, было невозможно – каждый из собравшихся силился перегорланить остальных. И, всё-таки, из общего гвалта нет-нет, да и выделялись слова «полкняжества» и «золото». Горчак поначалу пробовал прислушаться, но скоро бросил эту затею. Суматоха злила его, непонятно почему, и, подложив под голову руки, он стал наблюдать за плывущими облаками.

– Неужто совсем тебе не интересно, о чём там судачат? – раздался голосок прямо над ухом, и Горчак вздрогнул.

Соседка, русоволосая девица по имени Милена, подкралась незаметно и присела рядом с его лежанкой.

– Как это «не интересно»?! – Парень нарочито потянулся. – Лежу вот, а сам дрожу от любопытства.

Она не носила бус и серёг – только серебряную мужскую гривну да странный оберег на верёвке, косу закалывала венчиком вокруг головы и никогда не надевала понёву, повой и долгополую женскую рубаху. Частенько Горчак видел её в мужских портках и колушке, с потёртым колчаном за спиной, уходящей с отцом на охоту или дырявящей соломенную куклу из лука. Милена была не сильно моложе его, но до сих пор ходила в девках, спроваживая редких сватов. Злопыхатели-зубоскалы окрестили её Раздевоней – так в деревне именовали изнеженных женоподобных парней. Припоминали также, что они с отцом – пришлые, чужаки, с враждебного юга, и чуть ли не из чудов, дикого лесного племени, потому за глаза могли и Чудачкой назвать. Но девка была незлобная, на подначки отвечала скоро, за словом в котомку не лезла.

– Да, я вижу – дрожишь, – сказала она, – но думала – со страху.

– А чего бояться? – хмыкнул Горчак. – Не в первый раз тебя вижу, привык уже. Так что иди, давай, своей дорогой. Других пугай.

Она никогда не обижалась, и наёмнику это не нравилось. Вот и теперь – покачала головой и заулыбалась.

– Нет, ну посмотри вокруг: берёзы в золоте, солнышко ясное, небо голубое, облачка пушистые... А Злыдень – он злыдень и есть. Ты чего злой-то такой?

– Заметила? Так уже можешь драпать. Со злыднем-то никогда не угадаешь, что ему в голову придёт. Может и укусить.

Злыднем его прозвали сразу же, как он вернулся в деревню, из всех сироток бабки Мякуши – единственный. На молодецкие игрища не ходил, на плясках обувку не трепал, на завалинках штаны не протирал, с виду худой да смуглый... что ж, на войне его Змеем звали.

Милена сощурила серо-зелёные лисьи глаза, сорвала ягоду шиповника и подпёрла плечом акацию.

– И что за злыдни пошли? Вместо того, чтоб злодейства замышлять, целыми днями под заборами валяются, с девками перебранки ведут... Скукотища.

Она бросила в него ягодку, Горчак поймал и швырнул обратно. Милена только хмыкнула, но из толпы тут же вынырнули трое парней и направились к ним.

Горчак оглядел их по очереди, с ног до головы. Вездесущая троица. Белобрысый Молнезар, ковалёв сын, первый парень не деревне. Широкий косматый Дубыня, похожий на медведя, только чуть поглупее. И хлипкий попович Корс, из тех, кто любит прибиться к сильному да умному, авось что перепадёт. Вместе они смотрелись презабавно. Если мальчишка ничего не напутал, глашатай разносит указ князя, который призывает сослужить службу и обещает за то щедрую награду. Эти трое, судя по горящим глазам и задранным носам, уже распределили между собой не только роли в героическом походе, но и будущую славу.

Глашатаи частенько развозили по окраинам княжества глупые зазывалки. Иногда – по делу, чудилище прогнать или диковину нужную раздобыть, но, чаще всего, князя, шалопайничая и маясь от скуки, собирали простаков потехи ради.

На летний солнцеворот в Затон заезжал посланник из Подполья, сулил княжескую дочку в жёны тому, кто верхом на коне допрыгнет до её окошка. В другой раз прибыл глашатай из Истопки. Этот кричал про великую награду за незнакомую князю сказку. Многие сочинители стронулись с места. После дошёл слух, что хитрецы через одного начали выдавать историю про то, сколько их предку князь денег должен, вопрошая при том с лукавой улыбкой:

«Знаешь ли ты эту сказку?» Князь в конце концов осерчал, велел дать каждому выдумщику плетей и выгнать из города взашей. Бывали и совсем невесёлые случаи. Горчак слышал, как в позапрошлом году пастух, которого все дурачком считали, поехал по княжескому велению ловить разбойников, Ивана Голого и Марко Бегуна. Первый был безногий, второй – безрукий, но, несмотря на это, ухитрились они у попа дочку похитить. Пастух так и не вернулся. Говорили, калеки-разбойники погубили уйму охотников, а сами схоронились в непроходимой лесной чаще.

– Ты на девку руку поднял! – сказал Молнезар, останавливаясь в сажени от вытянутых ног Горчака.

Насупленные, готовые к драке дружки встали у него по бокам.

Наёмник поцокал языком. Он давно замечал, что один вид его доводил деревенских парней до белого каления. Сам он ничего про войну не рассказывал, но слухами, как известно, земля полнится. Вся деревня прознала, что ворога он побил столько, что в амбар загонишь – треснет. Сорока на хвосте принесла, что Злыдень у воевод в любимчиках ходил – те, как отцы родные, ничего для него не жалели, посылали завсегда в самое пекло, чтоб больше славы сироте досталось. Всплыли даже имена прославленных немецких рыцарей Гадеморда фон Кенштайна, по прозвищу Бычий Череп, и Ингеборга де Кунайда, зятя самого короля фольверкского Фолькарда Лысого, коих Горчак самолично пленил в одном бою, будучи ещё пешим ополченцем. Парни, на счету у которых, кроме пойманной аршинной щуки и подстреленного оленя, подвигов не имелось, люто жаждали поквитаться с выскочкой. Задеть его прямо, раз-на-раз, побаивались. А наломать бока толпой – какая в том доблесть? Зазывали его на стеношный бой, на молодецкую свалку-потеху, но Злыдень только посмеивался.

– С тобой толкуют, чучело! – пробасил косматый Дубыня-Медведь.

– Чего морду воротишь? – вставил свое слово Корс, притопнув красным сапожком.

Горчак и впрямь отвернулся от них, посматривая с весёлым укором на мужиков, не успевших ещё протиснуться во двор старосты: смотрите, мол, люди добрые, что делается, сироту обижают! Люди, разрываясь между столом впереди и любопытством позади, шагали поуже, косились через плечо, ожидая продолжения перепалки. Вступаться за него, само собой, никто не бросился – не любили ни самого Злыдня, ни славу его кровавую, ни деньги смертоубийством греховным заработанные.

– Да что с ним трепаться? Рёбра посчитать – и вся недолга! – крикнул Молнезар, распаяля самого себя.

– Ты хоть до десятка досчитаешь-то, счетовод? – отозвался Горчак.

Молнезар начал багроветь.

– Ах ты, мездник паршивый! Продажная шкура! Придорожник оборватый! Выродок! – прошипел он, делая шаг вперёд.

Было видно, что в бой он особо не рвался, с радостью позволив Дубыне себя опередить.

Медведь неуклюже наклонился, протягивая лапищи, какими в самую пору гнуть подковы. Бить сухощавого наёмника он не собирался, хотел поставить его торчком да встряхнуть пару раз, чтоб спесь выбить. Горчак не дал до себя дотронуться, уцепил два пальца Дубыни и вывернул их, добавив с носка под рёбра. Увалень тяжело рухнул в шиповник, обдираясь о колючки.

Молнезар, не прекращая ругаться, кинулся спасать сотоварища, но с дивной ловкостью ухитрился пропустить вперёд лопухого Корса. Тот с разбегу налетел на выставленную ногу Горчака и скомкавшись, с жалобным воем покатился по траве. Молнезар отпрыгнул и закрутил кудрявой головой вправо-влево, приговаривая:

– А-а-а... Так ты вот куда долбаешь, змеиное отродье!

Пока он искал какое-нибудь орудие, Дубыня очухался и, рыча как самый настоящий медведь, выломился из кустов. Горчак и не думал подниматься. Он вцепился в шевелюру здоро-

вяка и дёрнул. Дубыня плюхнулся брюхом на подставленное колено и кубарем перевалился под ноги зевакам. Мужики, увидев, что Молнезар выломал палку из плетня, неодобрительно загомонили. Разрешив ухватить себя за руки, парень принялся с яростью вырываться. Дубыню держали семеро. Корс уже тихо повизгивал, закатившись в кусты.

Горчак, не дожидаясь, когда уляжется сумятица, встал и отряхнул штаны.

– Злыдень треклятый... – хрипел Молнезар. – Встретимся ещё! Посчитаемся!

Милена хмурилась, Горчак погрозил ей пальцем.

– Вот так вот. А я говорил: осторожнее надо со Злыднями.

Во дворе было шумно. За накрытым полотном строем столов сидел едва ли не весь деревенский люд, от только-только надевшего порты отрока до седобородого старца. Кому не хватило места на лавках – толпились вокруг.

Венд, староста деревни, наряженный по случаю в лучшую свою одежду – бордовый жупан с серебряным пояском, благодушно поглядывал по сторонам маленькими глазками. Деревенский кузнец Барвин, отец Молнезара и вендов шурин, чьё слово в деревне было вторым, наоборот, гоношился, махал руками и вертел острой рыжей бородёнкой во все стороны.

– Полкняжества! С брёху сказано! – кричал он. – Ни единого разу не слышал, чтоб хоть какой богатырь такую плату получил. Если б князь половины владений своих расточал на все стороны, то сам уж на клочке сидел бы, трикраты меньше нашего Затона. Знамо дело: слагают зазывалку для прикрасы, чтоб людей вовлечь соблазнами.

– Так что, по-твоему, болтает князь? – ровным голосом спросил староста Венд, поглаживая круглый живот.

– Не князь, а выкликалы его! И не болтают, а выхорашивают. Завсегда так у них.

– Слыхала я, – вмешалась чёрная рослая баба, попадья Ефросинья, в девичестве – Измаграда. – Что глашатаям за каждого олуха приманенного по золотой монете дают.

– Верно, матушка, – поддакнул поп.

Староста покосился на них неодобрительно. Поп, тощий низенький мужичонка в выгребшем балахоне, с тяжеленным семилучевым солнцем на сухой шейке, спрятался за здоровенной кадушкой квашеной капусты.

– Вы, матушка, на князя не наговаривайте, грех это, – сказал Венд. – Может, не полкняжества он сулит, а скажем, поместье. И не княжну в жёны, а, положим, боярскую дочку. Да и про золотишко не надо забывать. Разве мало?

– А дочек боярских у князя, стало быть, про запас целый амбар имеется? – фыркнул Барвин.

Попадья скрестила жилистые мужичьи руки на груди.

– Ну, раскачаемся мы. Ну, отрядим кого в столицу – так поздно уж будет. Понаедут настоящие витязи – из Истопки, с Подполья, нашим не чета!

– А наши – ненастоящие, что ли? – возмутился староста. – Глашатаи скачут на все четыре стороны, едут по большаку. А от большака до нас – всего-то шесть вёрст. Отправим наших хлопцев по короткой дороге, авось не опоздают. Да и нет разницы, кто раньше явится. Кто хват – тому и посчастливится.

– Где же хватов раздобыть? – буркнул сидящий рядом с Вендом охотник Тарас.

Бритый наголо, загорелый дочерна, безбородый, но с длинными чёрными усами, Тарас пришёл в Затон с юга. Год он жил в шалаше за околицей, вместе с дочкой Миленкой, пока его не пригласили в деревню. Но даже когда ему всем миром срубили избу, охотник в деревне не засиживался, целыми седмицами пропадал в лесу. Друзей он не заводил, о прошлом не рассказывал, но вся деревня шепталась: за Тарасом – чёрная тайна. При длинноусом охотнике робел не только кузнец, но и сам староста.

– Молодёжь испытать, ясное дело, можно, – проговорил Барвин, сбавив голос. – Пусть мир поглядят, уму-разуму наберутся...

– Сам поедешь, или как? – спросил Венд, подмигивая. – Слышал я, ты по молодости пробовал.

Барвин хрюкнул в бороду. Ту историю знали все. Молодым и глупым кузнец отозвался на княжеский клич и отправился ловить волшебного зверя арысь-поле. Всё лето пропадал невесть где, в родную деревню вернулся грязный и заросший. Хохотали над ним все, от мала до велика. Всем известно, что бегаёт арысь-поле быстрее ветра, а когда присядет отдохнуть или спать ложится – умеет невидимым делаться, потому и поймать его нет никакой возможности. Посмеялся над простофилями князь.

– Староват я уже для таких забав, – пробормотал кузнец, пряча улыбку.

– Не пойдёшь, значит? Вот и я не пойду, – сказал староста. – Кого ж посылать? Не хватало ещё перед князем осрамиться.

– Ясное дело, срамиться не будем. Пошлём кого надо.

Кузнец почесал бороду. Хитрые глаза его сделались ещё хитрее.

– А, чтоб далеко не ходить, сынок мой, Молнезар. Парень он смекалистый и ловкий, сапоги на Масленицу со столбов снимает. В стенке он завсегда надёжей, вышибает по трое за раз. И дружки его пусть идут, Дубыня с Корсом. Один силён, другой умён. Компашка ладная.

Троица, уже оправившаяся от драки, как один, заулыбалась. Молнезар выпятил грудь и пихнул локтем Дубыню.

– Девка в походе нужна, – заявила попадьа. – Еду стряпать, заштопать что или рану пере-вязать.

– Верно, матушка, – поддакнул поп и, на всякий случай, спрятался за капустой.

– Вот, Миленка, к примеру! – сказал Барвин.

Староста посмотрел на Тараса. Тот кивнул и густо пробасил:

– Миленка моя не только штопать и стряпать обучена.

Кузнец, решив, что разговору конец, ухватил пузатую ведёрную бутылку, но Венд остановил его жестом.

– погоди, Барвин. Молнезар, Дубыня... – пускай! Хваткие парни, неглупые. А вот если вдруг разбойники или чудище какое наскочит, как твои молодцы отбиваться будут, если кроме деревянных мечей и копий ничего в руках не держали, а из луков только по уткам да соломенным чучелам стреляли? Смогут они человека мечом рубануть? А кинжалом пырнуть исподтишка? А под дых садануть или слямзить чего, коли нужда придёт?

Кузнец даже зажмурился от негодования, борода его нацелилась на старосту.

– Ты что это, Венд, несёшь?! Они что – тати, чтоб шибать исподтишка?!

– Вот-вот! – сказал, кивая, староста. – Они – не тати, знамо дело. Для них главное – это добрая слава да молодецкая удаля. Только со своими простецкими мордами они в первом же кабаке без денег останутся, без одёжи и пожитков. Только с голыми задами, да с удалью своей молодецкой.

Попадьа криво усмехнулась, поп захихикал.

– Что ж теперь? – сказал, хмурясь, Барвин. – По оврагам разбойников выискивать? Из темниц вытаскивать?

Венд покряхтел, покашлял, пригладил усы и ответил тихо:

– Зачем же по оврагам? Есть один поблизости.

От его вкрадчивого голоса смолк гомон, и стало слышно, как хряк в сарае чешет бок о стену, а на околице протяжно и залиvisto кукарекает дурной петух.

– Тот, кто видел в своей жизни не только соседнюю Пойму и драку из-за девки, – продолжал Венд. – Кто кровь проливал. И свою, и чужую...

– Ты о ком это? – так же тихо спросил кузнец, хотя уже и сам всё понял.

– Ясно, – сказал Горчак, выслушав задумку старосты. – Чего уж тут неясного?!

Староста посмотрел на Барвина. Кузнец увлечённо ковырял пальцем скатерть, будто разговор его вовсе не касался. Тарас подпёр кулачищем голову и посматривал на Горчака со странным прищуром. Попадья сидела, будто аршин проглотив. Попа видно не было. Остальные гости тихонько ворчали. Никто на выручку Венду не спешил.

Горчак стоял, подбочившись. Роста не богатырского, худоват и не сильно складен, не широкоплечий и совсем не страшный, говорил негромко, будто нехотя, но отчего-то смотреть ему в глаза не хотелось.

– Рабочая скотинка, сирота безродный, продажный наёмник, одним словом – Злыдень, – продолжал он. – Возьму богатырей ваших под белы ручки, поведу на подвиги, сохраню живыми-здоровыми, а вы за то поблагодарите: плетей не дадите, да взашей не прогоните. Верно? Всё я запомнил?

– Да что ты прямо как-то... – проямлил Венд.

Он ёрзал на лавке, словно никак не мог усесться поудобнее, то переплетал пальцы на толстом животе, то теребил серебряную пряжку пояса.

– Значит так, – сказал Горчак, скользнув взглядом по молнезаровой троице. – Наём – значит наём. Дело мне знакомое, и вас, так и быть, научу. Грамоту составим, по-заграничному, совсем как в Фольверке, которому мы давеча зубы повышибли. У княжеского наместника, а не у вашего дьяка. Слухи ходят, он без стакана горькой перо в руках удержать не может. Распишем всё подробно: что я делать должен, а что – нет, дабы недоразумений и непоняток не получилось. Долю мою укажем. Говорю сразу: славы мне не надо, беру монетой.

– Где же мы тебе посадника откопаем? – возмутился староста.

– Не моя забота. Я в герои не лезу, мне и под забором хорошо. Но, ежели не хотите мороки, можно иначе сделать. Я один пойду.

Староста вытер лоб и с трудом сдержался, чтобы не плюнуть от досады.

– погоди, – проговорил он. – Твоя взяла. Пошлю к посаднику. Получишь долю. Только если с парнями что-то стрясётся...

– Не стрясётся! – прервал его Горчак. – Если будут слушать меня, как новобранцы воеводу. Ну, а захотят вернуться сами – тут уж неволить не буду.

Когда Горчак ушёл, кузнец долго тёр подбородок и хмурился, и вдруг посветлел лицом.

– Знаю я, что делать! – воскликнул он, потирая ладони. – Согласимся на всё, что он скажет, только и с него потребуем по полной!

– Это как? – спросил хмурый Венд.

Барвин сиял, как начищенный церковный колокол.

– Мы ему – долю, всё чин-чинарём. Но только если получим всё, что глашатай обещал!

– Полкняжества! – сказала, кивая, попадья.

– И княжескую дочку! – подхватил поп.

– И давно пора спровадить этого Злыдня подальше, – сказал кто-то уже в нарастающем гомоне.

– Святая истина! – пробормотал еле слышно староста Венд.

Кузнец ухватил бутылку, и теперь его никто не останавливал.

Глава вторая

Староста Венд сделал всё, как обещал: выловил княжеского наместника, выхлопотал грамоту, заплатил втридорога писарю за срочность и, не прошло и трёх дней, а пергамент уже был у него. Пусть старенький, потрёпанный и забеленный многократно, но зато – с ровным чистым письмом и печатью от посадника.

Парни уже давно были готовы выступить, и выходить порешили дождаться, с рассветом. Вечер и ночь в Затоне не было слышно песен – никто не мешал посланцам отдыхать перед дорогой. Венд и Барвин, собравшись по-тихому в бане, пропустили по скляночке за то, что так ладно всё вышло с грамотой, за удачу для парней и за избавление от мозолящего глаза Злыдня.

Ещё до третьих петухов народ потянулся к околице. К восходу все были на месте. Кроме Горчака. Парни и Милена успели озябнуть на холодном ветру к тому времени, как он соизволил появиться.

Крепкий частый плетень, обмазанный глиной, возле которого они собрались, окружал Затон – воспоминание о трудных военных годах, когда, почувствовав людское горе, из лесу потянулись чудища и лихие люди. С тех самых пор и повелось вешать на плетни старые горшки, чтоб, разбиваясь, сигналили об опасности.

Провожать посланцев пришла чуть ли не вся деревня. Нахохленные, как воробьи, детишки, которых могла заставить подняться в такую рань только неуёмная любознательность, сидели рядом, зевали и ёжились.

Молнезар хорохорился, смеялся нарочито громко, шутил с девками, подтрунивал над богатым кафтаном Корса, украшенным бисером и золотым шитьём. В новенькой кольчуге, в блестящем шишаке и с мечом на поясе, сын кузнеца выглядел как настоящий богатырь.

Дубыня стоял в стороне, норовя притереться к толпе. Он стеснялся своего потёртого кожушка, да и не привык застить жоака.

Горчак подошёл, сбивая сапогами росу. Заспанный староста тут же молча сунул ему пергамент. Когда наёмник, не читая, сложил лист вчетверо и сунул за пазуху, Венд украдкой переглянулся с Барвином.

– Народ чего кучится? – обратился Горчак к старосте. – Забаву какую ждут?

Староста, не сказав ни слова, отвернулся и сплюнул.

Молнезар Горчака старательно не замечал. Милена, улыбаясь во весь рот, браво доложила:

– К походу готовы, господин сотник!

Наёмник отпихнул её взглядом и процедил:

– Сейчас проверим. Ну-ка, выкладывайте всё из мешков.

Староста замахал руками на парней: мол, давайте-давайте!

Когда они развязали котомки, Горчак обомлел.

Дубыня размеренно выуживал из мешка завёрнутый в чистое полотно каравай хлеба, целую голову сыра, копчёный окорок, трёх запеченных карпов, огромный шмат сала, десяток солёных огурцов, толстый пук зелёного лука, пузатую репу, несколько крупных, словно камни для катапульты, яблок, приторную даже на вид грушу, туес меда, баклагу кваса...

Корс, так же неторопливо, выкладывал книги.

Молнезар рюкзака не взял вообще. Кроме кольчуги, шлема и меча, он прихватил наручи и поножи из вываренной кожи, длинный кинжал, круглый щит, самострел с колчаном, полным коротких и толстых стрел, два топорика, сулицу, чекан и кистень.

– Шутки шутить надумали... – сказал Горчак, едва сдерживаясь. – Мыло где? Одежда? Одежда запасная?

Дубыня с Корсом одинаково заморгали и переглянулись, прислушался даже Молнезар.

– Где иголки с нитками? – всё больше распаляясь, продолжал наёмник. – Где снадобья? Вода? Плащи?

Корс, сгребая книжки обратно в мешок, проговорил обиженно:

– Я былины читал. Ни в одной про иголки с нитками не написано.

Милена хихикнула. Горчак подошёл к Молнезару, пнул сапогом в щит.

– Ты железок куда столько набрал? На войну собрался? Хлеб ты чем будешь резать? Топором рубить? Из вас хоть кто-нибудь огниво с трутом взял?

– Я взяла! – отозвалась Милена.

Горчак перекинулся на Дубыню:

– Ты жратвой мешок набил, а миску, ложку и кружку в бою будешь добывать? Котелок есть у кого-нибудь?

– У меня есть, – опять сказала девушка.

– Значит так! – Горчак глубоко вздохнул. – Жду всех здесь. Кольчуги не брать, еды – на три дня пути, книги выкинуть. Всё ясно? Из деревни ещё не вышли, а я уже злиться начинаю.

Пристыженные парни, понурившись, побрели обратно в деревню, только Милена осталась на месте. Горчак осмотрел её вещи. Хитрая девка захватила даже лопатку, моток верёвки, рыболовные крючки и леску. Кроме того, она взяла колчан со стрелами и лук в узком кожаном чехле.

Когда Горчак, не сказав ей ни слова, отошёл и уселся на свой мешок, Милена спросила сладким голоском:

– Надеюсь, наш воевода не забыл про карту?

Горчак выругался про себя: о карте он не подумал.

– А вот я не забыла, – девушка опять улыбнулась и протянула ему мягкий пергамент телячьей кожи.

Горчак развернул его и ахнул. Это было изделие настоящего мастера, на которое потрачен не один день кропотливой работы. Тонкое перо вырисовало извилистые берега Адунда. Лазурные ленточки рек бежали от бурых гор, стольный град Детинец сиял золотыми крышами.

Горчак опустил взгляд ниже, и тяжёлые воспоминания обрушились на него, как пятисаженный меднолобый таран на дубовые ворота крепости. Полесье, где, возле безымянной речушки он рубился по колено в кровавой воде, не чувствуя искалеченную ударом топора руку. Вежское Поле, широкая равнина на северной границе Фольверка, где против князя Ладомира выступила самая многочисленная за всю историю рыцарства армия, от флагов и ярких попон рябило в глазах, но, когда они сошлись, всё стало серо-бордовым – даже небо. Места, где он побывал, и в которых побывать мечтал, проплывали перед глазами наёмника, оживлённые рукой умелого художника. И Горчаку стало казаться, что не карта лежит на его коленях, а живое существо, мудрое и всезнающее.

– Я тут начертила дорогу, – сказала Милена, поглядывая на изменившееся лицо Горчака. – Мы с отцом так на ярмарку в Детинец ходили, когда на большаке беспокойно было. Обогнём озеро, потом правее возьмём, там через Рямы тропа есть. Ну, и дальше – на север, через лес. Я знаю кое-какие дорожки. С опушки – уже на большак. До столицы дня за четыре доберёмся.

Их Затон, маленькую деревеньку в три дюжины дворов, затерянную на южной границе княжества, обозначал крохотный, с божью коровку, домик.

– Откуда у тебя она? Никогда не видел, чтоб на карте был Затон.

Милена пожала плечами.

– Это я рисовала. У отца полно старых карт в сундуке припрятано, я и решила нарисовать одну, большую.

Горчак качнул головой, и вновь посмотрел на пергамент, где Милена наметила путь.

Между Затонем и Детинцом зелёным пятном лежал Бор – старый лес. Вглубь его, где темнели болота Рямы, отваживались заходить только самые отчаянные охотники. В лесу нарисованное чудище, встав на задние лапы, как леопард на гербе Фольверка, оскалило жуткие клыки.

– Не опасная дорога-то? Болота да леса?

– А меч тебе на что? – хмыкнула Милена, ткнув в висевший на поясе Горчача длинный клинок в обтянутых кожей ножнах, с клеймом в виде перекрещенных молотов поверх пламени на навершии. – Опасней на большаке, где трактиры и бродяги всякие. А в лесу какие опасности? Волки с медведями?

– Кроме волков много чего есть, – буркнул Горчак. – Тебе, поди, в лесу ночевать не случилось?

Милена мигом распознала подначку.

– Ох, не случилось, добрый молодец! Я всё на шелках да на пуховых перинах, – сказала она, сокрушенно качая головой. – А вот ты, добрый молодец, лешего встречал в полнолуние? Волкодлака обёрнутого, носом к носу? Лапы голодного оплетая на собственной шее не доводилось чують? А может ты индрика видел?

– Арысь-поле тебя, случаем, не лобызала? – хмыкнул Горчак. – Нету в нашем лесу никаких индриков.

– Кроме вашего леса много ещё лесов есть на свете, – посерьёзневшим голосом ответила Милена, но тут же лукаво сощурилась. – Да и откуда тебе знать про индрика? Ты ж не девица.

– Вот и про тебя так болтают.

Милена фыркнула.

– Ну да, мужикобабой называют. Раздевоней, по-вашему. Только индрика не проведешь, он лучше людей это понимает.

Горчак, сворачивая бережно карту, проговорил:

– Кстати, о девицах... Ты что тут делаешь вообще?

– Сижу вот на мешке.

– Ага. Весёлая ты, я погляжу. Только долго ли твоё веселье продлится?

Милена обернулась – туда, где, среди прочего люда, стоял её отец. Поймав её взгляд, он едва заметно кивнул.

– Понимаю, – сказала она. – Вы – парни, ловкачи, косая сажень в плечах. А моё дело – опускать очи долу, до околицы провожать и вздыхать у окошка?

– Я б так ладно и не выговорил.

– И не надо. Не спеши говорить, о чём не ведаешь.

Больше Горчак вещи не проверял. Как только парни воротились, указал кивком на дорогу и пошел первым. Заголосили мамки, бабки и тётки парней. Дубынина старушка-мать причитала, как на похоронах. Охотник Тарас подскочил, шмыгнув носом, к Милене, единственной своей дочке, и сунул ей в руку широкий нож в локоть длиной. Девушка ахнула и прижала его к груди.

Горчак придержал шаг. На короткий миг сердце его сжалось – почудилось, что в толпе промелькнуло встревоженное лицо бабки Мякуши. Но видение тут же пропало – здесь некому было за него тревожиться.

– Ну-ка, подтянись! – прикрикнул он на оглядывающихся спутников. – Что нюни распустили?

До полудня они миновали Дальние Поля и пересекли пыльный большак – на том Затон закончился, и началась ничейная земля. Когда-то её именовали Задорожьем, или Дальним Выпасом. Сюда гоняли стада, приезжали на сенокос, но близкий Бор был опасен. Пастухи недо считывались коров, косари рассказывали о ночных тенях. Когда Ладомир выиграл войну, и

граница передвинулась далеко на юг, затонцы и вовсе перестали смотреть на север – благо, поля с другой стороны деревни были не хуже, а лес – приветливее. Когда показались верхушки деревьев, парни притихли. Даже Молнезар, который храбрился больше всех, перестал болтать. Вышли на опушку леса, здесь и устроили первый привал.

Милена, хотя и тащила ношу не меньшую, чем у парней, не плюхнулась отдыхать следом за ними, а тут же отправилась за хворостом. Горчак, хмураясь, перемотал портянки и повернулся к троице.

– Хорош расслаживаться. Один – девке помочь. Один – на стражу. И смотреть в оба, деревня уже далеко. А лес – вот он.

Дубыня, подчиняясь жесту Молнезара, побежал за Миленой, а Корс, сбросив мешок и взяв копьё, встал на охрану. Молнезар несколько раз взглянул искоса на Горчака, а потом решительно подошёл.

– Знаешь, что? – начал он. – Деревня далеко – это ты верно подметил. Староста наказал тебя слушаться, но он там же остался. И мужиков, что за тебя вступились, рядом нет. Смекаешь, или растолковать?

Горчак отвлёкся от чистки картошки, взглянул на Молнезара и ничего не ответил.

Когда Милена с Дубыней принесли хвороста, уже было готово и место для костра, и рогатки с жердью, и котёл с водой. Пока готовилась еда, парни уселись в отдалении и принялись перешёптываться. Горчак, чтобы не слышать и не видеть их, пошёл прогуляться.

В лес пробиралась осень. Хотя деревья были ещё зелеными, то здесь, то там мелькала желтизна, делая лес похожим на молодящуюся женщину, прячущую под белилами и румяной настоящей возраст. Трава была уже не сочной, а безвольной и мягкой. Земля, уставшая растить зелень, сердито пылила. Птицы не пели, а редко и отрывисто цвиркали, словно переругиваясь друг с другом. Ветер налетал злой и колючий, он без труда перебивал солнечное тепло: вроде и солнце светило, но тёплую одежду сбрасывать не хотелось.

Дойдя до заболоченного озера, на берегу которого когда-то стояла деревня Старый Затон, сожжённая ещё при позапрошлом князе, Горчак повернул обратно.

Его встретили не слишком приветливо. Милена, настороженно поглядывая то на парней, то на Горчака, разливала черпаком похлёбку. Молнезар поначалу помалкивал, но потом, оставив миску, сказал:

– Мы вот что решили: дальше идём одни, без тебя.

Горчак старательно подул на ложку супа, хлебнул, причмокнул:

– Хорош супец! Чего лепечешь? Одни идёте? Дык, скатертью дорога, как говорится.

– Ты не понял, Злыдень, – продолжал Молнезар. – Теперь мы – посланники деревни Затон, а ты – просто-напросто бродяга безродный, так ведь оно, по правде, и есть. Так что грамоту, которую ты от старосты получил, отдашь нам. На том и распрощаемся.

В мёртвой тишине слышен был только стук липовой ложки по миске Горчака.

– Ну? – не выдержал Молнезар. – Отдашь?

Горчак молча вынул из-за пазухи пергамент и протянул парню:

– Чего ж не отдать? Держи.

Молнезар опешил – не ожидал, что наёмник так быстро сдастся. Он развернул грамоту, потоптался на первой строчке и сунул Корсу.

– Посмотришь после, там по-учёному что-то написано, – сказал Молнезар, силясь, чтобы голос звучал твердо и независимо. – Ну, идём, что ли?

Милена грохнула оземь котлом. Остатки супа расплескались по траве.

– Ты что, олух, белены объелся?! – крикнула она. – Ты в своем уме? Кем ты себя возомнил? Ты же от деревни дальше Дальних Полей не отходил, богатырь!

– Не лотоши, девка, – пробасил Дубыня.

– Сам молчи, чудище кудлатое! Идите, куда хотите! Может, сгинете, вместе с грамотой этой. А я не дура, чтоб за вами тащиться! – Она кивнула в сторону Молнезара. – Уж смекаю, куда он вас заведёт!

– Заглохни, Раздевоня! – встрял Корс. – Тебя не спросились!

– Ого! Хвост собачий заблеял! Грамотей в кафтанчике! Попёнок отошальный! Ты былины свои из башки вытряхни сначала, балда, а потом рот разевай!

Горчак усмеялся, не спеша орудуя ложкой.

– Смотрите-ка, собрались, – продолжала раскрасневшаяся Милена. – Один сам на себя никак не налюбуется, другой – тугодум, третий – поддувало. Богатыри, курам на смех, лешаку на завтрак!

– Язык свой попридержи, Чудачка! – зашипел Молнезар. – Не в своё дело не лезь! Твоя забота – кашеварить да штопать.

Милена стиснула пальцы на рукояти подаренного отцом кинжала, зыркнула глазищами.

– А ты выйди против меня, вояка стеношный. И поглядим, кто хват, а кто – помоев ушат. Ну?

Горчак облизал ложку, впихнул её за голенище, не спеша поднялся. Он обошёл Милену и встал перед ней.

– Ты... как там тебя кличут? Молнезар, что ли? Главное, сочинить не забудь, как со старостой объясняться будешь. Я грамоту тебе отдал, делать мне с вами, выходит, больше нечего, так что тотчас же вернись в Затон, и девку с собой, пожалуй, заберу. Староста спрашивать станет, а я врать не буду. Как думаешь, он сильно радый будет? По головке тебя погладит?

Видя, как Молнезар застыл с разинутым ртом, Горчак покачал головой.

– Планов коварных понапридумывали, да всё вытекло через дырки в башках.

– Тогда так! – сказал Молнезар. – Грамота у меня будет всё равно. И вместе пойдём. Только поведу я, понял?

Милена фыркнула.

– За чем дело стало? – ответил Горчак. – Я ж разве в жоаки набиваюсь?

Он разметал костёр, швырнул в кусты рогатюльки и выпрямился, сжимая в руке крепкую жердь.

– Только совет послушай: не лезь указывать, воеводству втихомолку. Я в деревне слово дал вас живыми вернуть. И верну.

Молнезар невольно отшатнулся, когда наёмник быстро, как бы пританцовывая, шагнул к нему, очутившись близко, глаза-в-глаза.

– Вот думаю, чего тянуть? – шепнул он. – С ногой поломанной ты один назад не дойдёшь, хлопцам твоим придётся тебя волоочь. Вот и вернётесь все живыми, и я слово сдержу. Ну, как?

Они долго молчали. Потом Молнезар отвёл глаза. Горчак кивнул, отбросил жердь, подхватил пустой котелок и пошёл к ручью, насвистывая.

На половине пути его догнала Милена.

– Постой... Горчак... – зашептала она, задыхаясь от быстрого бега. – Я услышала... берегись, в общем... я думаю, они хотят тебя... того...

– Чего «того»? – спросил Горчак.

– Отделаться они от тебя хотят, вот что! Молнезар – он злопамятный жутко. Он ещё за ту драку не поквитался.

Горчак повернулся, оглядел её с ног до головы.

– Ты бы лучше о себе думала и меньше языком трепала. Больно он у тебя скорый, аж голова следом не поспекает.

– Говорю, как есть. Дурням этим поддакивать не буду!

– А ты попробуй. Как по мне, что они, что ты – попутчики так себе. Вот, чем за ножичек хвататься дело – не по делу, лучше покумекай, к какому берегу прибьётся.

Милена остановилась. От обиды она не могла выдать ни слова, а когда дар речи вернулся, Горчак уже скрылся в кустах.

Глава третья

На следующий привал остановились только вечером.

Чтобы обогнать шустрые осенние сумерки, Горчак начал готовиться к ночёвке загодя. К темноте он сложил из жердей навес, забросал его лапником и выстлал лежанку пушистыми еловыми ветками. Милена развела костёр и взялась за стряпню. Троица Молнезара, с горем пополам соорудив кособокий общий шалаш, расселась у огня. Никто не разговаривал, друг на друга не кидались – и то хорошо.

Темнеющий бор нагонял тревогу. Как назло, затих ветер, и стал слышен шум леса во всём многообразии: треск веток, стрекотанье и уханье, неясный скрежет и вовсе необъяснимые визги, завывания и стоны. Солнце, утонув за деревьями, будто уносило с собой остатки прошлой, спокойной жизни – вместе с ним исчезал Затон, размеренность и беззаботность.

Увидев, что троица укладывается спать, Горчак окликнул Молнезара:

– Эй, воевода, а охрану на ночь ставить не надо?

Молнезар, пробурчав что-то вроде: «У тебя не спросился!» – пихнул Корса:

– Ты первый карауль, потом Дубыню разбудишь.

Корс покорно выкарабкался из-под одеяла, подхватил копьё и поплёлся к костру. Он долго устраивался на пне, заворачивался в плащ и вертел, так и эдак, копьё.

– К огню спиной сидеть надо, если сторожить собрался, – сказала ему Милена, пряча котелок в мешок.

Упаковав вещи, она растерянно оглянулась: пока готовила ужин, лежанку устроить не успела.

– Иди сюда, – позвал её Горчак. – Места хватит.

– С чего это вдруг? Какой комар укусил?

– Язвить будешь?

– Раздумала уже.

Она разостлала одеяло поверх лапника.

– Меч между нами класть? – спросила она.

– Это где ты рыцарских обычаев набралась? – удивился Горчак.

– Где надо, там и набралась.

Наемник внимательно посмотрел на неё, Милена смутилась.

– Я из Полесья, вообще-то, – сказала она, чуть погодя. – Мой отец егерем был у полесинского шляхтича, Богдана из Бразды, а я при дворе родилась. В платьице с кружевами ходила, всё училась бисером вышивать...

– Несладко жилось, что ли? Каким ветром тебя в Затон-то занесло?

– Когда Фольверк с Полесьем союз заключил, и Яна Худого королём начали звать, наш шляхтич тотчас в немилость попал – не ладили они с Яном этим издавна. В народе болтали, они невесту когда-то не поделили, бороды по молодости друг дружке повыдирали. Ян пошёл на Богдана с войском. Повоевали они, правда недолго: за Яном уже немтыри – так у нас фольверкцев называют – стояли, их Светлый Орден за него бился, а Бразда только полсотни всадников могла выставить. Словом, Богдана схватили, железом пытали, а потом сожгли. Страсть как нравилось им людей сжигать, Светлым этим. А потом понаехали в Бразды немтырские попы, принялись церкви перелицовывать. Дескать, наше солнце с семью лучами, а они говорили, что правильно – чтоб пять было, так их Собор решил. Народ воспротивился, ну они – опять жечь.

Милена помолчала немного. Трещал костёр, к небу летели искры.

– Мамка моя знахаркой была. Травы ведала, лечила светлым словом. Оказалось, скверно это. У попов аж глаза блестели и руки тряслись, когда они мамку волокли на судилище. Я слышала, когда её жгли, народу собралось – тьма-тьмушшая. Мне-то всего восемь годков было, одна

я туда не дошла бы, да и отца бросить не могла. Он в горячке валялся – крепко ему досталось, когда он мамку у стражи отбить хотел. Он оклемался, хоть никто не верил. И хорошо, что не верили, ведь его тоже сжечь должны были, а тут решили – сам помрёт. Но снадобья мамкины помогли, да и я, хоть малявка была, но чему-то от неё научиться успела. А, как отец на ноги встал, мы в лес ушли. Платьвица мои и шитьё – все дома осталось... Слыхал, наверное, про Тараса Злохотника? Это моего отца так стали называть, очень уж он вредил новым хозяевам. Худой Ян за его голову тоже полкоролевства и дочку обещал. Да куда там! Для отца лес родным был, под ним к тому времени уж две сотни лучников ходило. Четыре года мы в лесу жили. А потом война началась, уже с вами.

– Дальше я знаю, – сказал Горчак. – Наш князь Ладомир даже гонца в лес посылал, хотел задружиться с злохотниковыми лучниками. Только получил отказ, а потом Злохотник и вовсе пропал. Слухи ходили, убили его.

– Постарел он, да и я подросла. Вот он на Север и подался. Награду за его голову уже никто не даёт, можно пожить спокойно.

– Пока он просто Тарас – да, но ты бы про Злохотника поменьше трепалась с кем ни попадя: Ян Худой жив до сих пор. И ножик, что папаша тебе отдал, убрала бы подальше, больно приметное клеймо на рукоятке.

Милена невольно накрыла ладонью вытесненный на навершии кинжала знак – натянутый лук с наложенными семью стрелами.

– С кем ни попадя?

– С наёмниками, к примеру. Говорят, они за золото мать родную продадут.

Милена неуверенно улыбнулась.

– Так что с мечом-то? Класть?

– А как же! – сказал Горчак и отвернулся.

Корс, назначенный стражем, уже всю клевал носом, тыкаясь лбом в древко. Горчак, невольно затаив дыхание, следил, как копьё кренится, выскальзывает из слабеющих пальцев. В конце концов, оно выпало. Наконечник зацепил поставленные рядом пустые миски. От грохота Корс вскочил, заметался, и чуть не завалился в костёр. Из шалаша Молнезара донеслась ругань, Горчак покачал головой.

– Остолоп... – проворчала Милена, переворачиваясь на другой бок.

Когда из чащи, опасливо раздвинув ветки, выбралась тёмная вытянутая фигура, Корс уже дрыхнул. Теперь он намертво вцепился в древко обеими руками.

«Скверно, сквернее некуда, – подумал Горчак, нащупывая меч.

– Только от деревни отошли – и уже леший нагрянул».

Длинная фигура из мха, веток и листьев, похожая на плетёную куклу, подобралась к Корсу. Костёр не отпугивал лесного жителя, едва-едва освещая ссутулившегося парня. Леший осторожно коснулся копья, остерегаясь притрагиваться к железному наконечнику, потом ухватился покрепче и потянул. Корс, не просыпаясь, мягко завалился на бок и захрапел.

– Эй ты, холуй деревянный! – негромко позвал Горчак, вставая с обнажённым мечом в руке. – Какого херувима сюда припёрся, а? А ну-ка нагрёбывай отсюда, пока дрозда не получил!

Как известно, лешие ненавидят матерную брань, но у каждого эта ненависть проявляется по-своему: некоторые, тут же, с воплями убегают, другие, наоборот, замирают в ужасе, третьи могут в ярости броситься на обидчика. Этот не сделал ничего похожего. Он выпрямился и посмотрел на Горчака блестящими зелёными глазами.

– Ты пошто так рассобачился, высокоуважаемый? – проскрипел он.

– Так ты не леший? – проговорил наёмник, не опуская меч.

Лесной житель помотал длинным крючковатым носом.

– Какой-токой леший? Я – Дубец, обитаю туточки. Преднамеревался знакомство завести. Уныло ведь в лесу и безотраднo. Ребятки мои давным-давно мне наскучили, дремучие они, тёмные, книжным учением обойдённые. Да вот они, к слову! Эй, Коцел! Лепко! Рутын! Пойдите-ка сюда!

Они бесшумно вышли из темноты. Если дубец походил на дерево, с руками – ветками и ногами-корнями, обросшее мхом и листьями, то эти трое, обряженные в тряпки с чужого плеча, выглядели обыкновенными оборванцами, голю перекадной.

Один – чернокожий и худой, как жердь, с торчащими рёбрами над впалым животом, уродливыми опухшими суставами, разлохмаченной седой шевелюрой и бородой до пояса, опирался на кривой костыль. От человека его отличали разве что чернота да совиные глаза. У второго половина лица, от подбородка до глаз, была замотана грязной тряпкой, он тряс длинными лапами, словно в лихорадке. Третий, выше всех на голову, сутулый и широкий, как будто вырубленный из скалы, но такой же измождённый, как и остальные, стоял позади, со свежесломанным деревцем в руках.

Лешак, идолище, жыж и волот. Чудная компания. Если лешаков и идолиц, живущих в лесу испокон веков, Горчак встречал и раньше, то с жыжами и волотами был знаком только по рассказам и старинным легендам. И те, и другие, обитали в горах, только волоты, по преданию, вышли из камня, а жыжи – из огненной лавы. Давным-давно у жыжей и великанов-волотов были свои города, они слыли непревзойдёнными кузнецами и даже торговали с людьми. За оружие, украшенное их старинным клеймом, перекрещенными молотами поверх пламени, не жалели денег.

– Ну, и что дальше? Знакомиться пришли? Знакомьтесь на здоровье, – произнёс Горчак, поигрывая мечом.

Дубец покосился на опасную железку, переступил с ноги на ногу и улыбнулся корявым щербатым ртом.

– Ты б это... Чинжальчик свой убрал бы... Что ж так гостей привечать-то?

– Убрать? Ладно.

Он рассёк мечом воздух и вонзил его в землю.

– Ещё что? Может ноги связать?

– Зачем же так? – обиделся Дубец. – Не желаешь вести беседу? Так и скажи. Пойдём мы тогда, нам перебранки ни к чему. Правда, ребятня?

«Ребятня» закивала и загудела, соглашаясь. Они развернулись, собравшись уходить, и Милена, которая уже стояла за спиной Горчака, тихонько выдохнула.

Тут всё и началось. Жыж, с полыхнувшими алым глазами, скакнул к мечу – его, огневика, железо нисколько не пугало. Прыжок был быстр, но Горчак успел: выдернув клинок, он со всего размаху хватанул наверху по уху жыжу. Тот рухнул мордой в костёр, но тут же подхватился. Тряпки, обмотанные вокруг головы, загорелись, и он скинул их, обнажив изуродованное свежей раной лицо.

Идолище и волот заревели, каждый на свой лад, и ринулись в бой. Дубец навалился на Корса, оседлал его и оплел руками-ветвями горло.

Наемник отступил влево, оставив волота за спиной идолица, и размашисто рубанул, остриё меча располосовало худую смуглую грудь глубоко, до рёбер. Волота он ударил хитро, снизу вверх, но великан защитился дубиной, и клинок, наполовину разрубив свежую древесину, намертво в ней увяз. Волот торжествующе гукнул, выламывая меч из руки Горчака и замер. Глаза его расширились: он заметил на клинке наёмника знакомое клеймо.

Гулко брякнула тетива, выпущенная почти в упор стрела разрежала воздух и навывлет прошибла шею великана. Волот выпучил глаза и захрипел, Горчак тут же саданул ему плечом в живот и великан, зацепившись ногой за катающееся по земле идолище, повалился навзничь, выпустив деревце с застрявшим в нём мечом.

Жыж, видя, что числом уже не взять, раздумывал, не вернуться ли ему в свою чашобу, а наёмник, не мешкая, подхватил баклагу с водой и плеснул прямо в зубастую пасть огневика. Завоняло и зашипело, жыж заорал так, что раззадорил сам себя. Одним прыжком, как гигантский кузнечик, он доскочил до Горчака и схватил его раскалёнными ладонями. Задымилась одежда. Горчак ударил жыжа лбом в подбородок, свалив его на землю, и добавил сапогом по зубам. Пока огневик отлеживался, наёмник вырвал меч из дерева и кинулся к Дубцу. Лешак сразу сообразил, что к чему, бросил полузадушенного Корса и метнулся в чашу. Жыж, согнувшись в три погибели и злобно шипя, поковылял следом. За ними, держась друг за дружку, охая и скуля, потащились идолище и волот.

Горчак стоял, сторбившись и рисуя остриём меча круги. Милена отбросила лук и подбежала к Корсу.

Горемычный попович одной рукой массировал горло, а второй утирал ливом льющиеся слёзы. Горчак медленно обернулся к шалашу, откуда на него смотрели две пары растерянных и испуганных глаз. Молнезар пришёл в себя первым. Он покряхтел, вставая, и протёр глаза:

– Чего шумите? Спать не даёте. Лаялись, что ли?

Дубыня, не выдержав взгляда Горчака, зачем-то закопошился в дорожном мешке.

Усмехнувшись, наёмник сунул меч в ножны и, буркнув Корсу: «Иди спать, страж», уселся возле костра. Сон пропал. Подбросив в огонь ветку, он послушал, как укладывается натерпевшийся страху Корс, как его о чём-то спрашивает Молнезар, как глухо бубнит Дубыня.

«Скверно, – подумал Горчак. – А ведь только от деревни отошли».

Затон после войны стал тихим местом. Лешаки здесь не озорничали, идолища сидели мирно в своих чашобах. Только лютая нужда могла заставить их сбиться в банду и нападать на людей.

Парни построили шалаш недалеко от костра, Горчак слышал, как они переговаривались шёпотом, но слов разобрать не мог. Впрочем, он знал, о чём они говорят. Корс, потирая горло и откашливаясь, в бесчисленный раз описывает яростный взгляд лешака, сучковатые прутья-пальцы, нечеловеческую силу. Знал Горчак и то, о чём они думали. Что они – простые деревенские парни, и призвание их – копать в огороде, пасти коров и рыбачить на Вонюльке, но никак не шастать по ночным дорогам, по страшным тёмным чашобам, где не постучишь в любую хату и не попросишь водицы, не ляжешь беззаботно спать в стогу посреди поля. Не ударишь мечом по глиняному горшку или соломенному чучелу, потому что на дороге любое чучело ударит в ответ. Горчак знал, что завтра троица будет молчать, виновато глядеть искоса, и каждый из них будет лелеять мысль о возвращении, хотя никто не выскажет её вслух.

– Они могут вернуться, – заметила Милена, подсаживаясь.

– Не вернутся. Увидели, что у нас железо имеется. Лешак и идолище железо на дух не переносят.

– А великан этот? Его тоже твой меч сильно напугал.

– Не напугал, – ответил Горчак. – Он клеймо увидел. Этот меч – их, волотова работа. Для них сейчас каждое такое клеймо – ножом по сердцу. Напоминание о былых временах, когда они ещё были гордым народом, а не бродягами.

– Что же с ними случилось?

– Люди случились, – сказал, пожимая плечами, наёмник. – Больно богаты были волоты. Золото, камни драгоценные, железо... Разве можно было это стерпеть?

– Их перебили?

– Сами извелись. Драть стали князя с них три шкуры, торговля – дело хитрое. Волоты за зерно равную часть золота отдавали, а на равнину, где б они сами сеять могли, их не пускали. Ну, и войны были, конечно. Великаны в строю биться не хотели, луки презирали, шлемов и щитов не носили. Против волота, раз-на-раз, ни один богатырь не выстоял бы, зато десяток копейщиков или стрелков справлялся. Словом, бросили волоты свои шахты: кто в пещерах

схоронился, кто подался на равнины и в леса. Правда, нигде им жизни не было, потому и народа скоро не осталось. Только одиночки: бродяги, перекасти-поле. Жыжам ещё хуже пришлось, им же вовсе на равнины нельзя было уходить, воды боятся. Она им – как для нас огонь. Но, вишь, приспособились.

– Разбойниками стали?

– В лесу, таком, как этот, много не наразбойничаешь. Эти, видать, оголодали сильно, вот и полезли к нам.

Горчак посмотрел в чернеющую чашу.

– Надо бы им еды оставить.

– Нелюдям? – ахнула Милена. – Людоедам?

– Нелюдям тоже жить надо. Зима скоро, а вам припасов надавали с лишком. Ну, а для людоедов придётся одного из вас тут к дереву привязать, давай-ка жребий бросим!

Девушка не улыбнулась.

– С чего это ты такой добродетельный стал? В деревне – Злыдень, а тут...

– А с людьми по-другому нельзя, – перебил её Горчак. – Люди – они добра не помнят.

А вот нелюди – другое дело.

Милена посмотрела на наёмника искоса.

– Горчак... я всё спросить хотела... Зачем ты Молнезару грамоту отдал?

Наёмник подобрал ветку и принялся строгать её ножом.

– А какой от неё прок?

– Ну, не зря же ты гонял деревенских к посаднику!

– Не мне грамота эта нужна была, а старосте! Это он теперь думает, что облапошил меня, ведь не зря они в переглядки с кузнецом играли – видать хитрость какую замыслили. Вот и получилось, что я, вроде как, на хитрость их купился. Он меня в путь снаряжал, денжат отсыпал порядочно, напутствовал по-отечески. Не думаю, что по-другому удалось бы у него хоть часть собственного золотишка обратно забрать, больно уж хваток этот Венд.

– Так ты ради этого всё и затеял? Только чтоб золото получить?

– Ну, а ты как думала? Что я вправду в сказочки эти поверил, про полкняжества и невесту?

– Может и думала! – буркнула Милена. – А у тебя одно только золото...

Она встала и пошла к лежанке, по пути пнув гнилое бревно.

– Тетиву с лука сними на ночь, ослабнет, – сказал ей вдогон Горчак.

– Сама знаю!

Глава четвертая

Милена шла впереди, прошупывая длинной жердью дорогу. Обойти стороной Рямы, болото, кляксой лежащее в самой середине леса, не получалось. Горчаку дорога через топи была не по душе, но он понимал, что окружной путь совсем не легче и не безопаснее, и потому пришлось ему, скрепя сердце, довериться охотниковой дочке. Сам наёмник двигался последним, посматривая по сторонам, в тыл, и на маячившие впереди одинаково унылые спины парней.

Неприятная встреча с лесными жителями на первой же ночёвке пригасила богатырский пыл троицы, и Горчак этому только порадовался. Разговоров о том, кому вести их дальше, уже не заводили. Указания Милены парни выслушали почтительно, без пренебрежительных ухмылок. Словно извиняясь за ночное происшествие, они старались все исполнять споро и без лишней болтовни. Проваливаясь порой по колено в грязную жижу, протирая лицо от налипающей паутины или сбрасывая с одежды мясистого болотного клопа, они, если и роптали, то вполголоса, и послушно притихали, когда Милена, оборачиваясь, шикала на них.

На небе с утра не было ни единого облачка, но тут, в Рямах, висел вечный туман, сизый с зеленцой. Пахло гнилью и зябкой сыростью, как в весеннем погребе. На смену пышным, хотя и тронутым осенними красками, лесным деревьям, пришли голые корявые стволы, изуродованные смрадным болотным дыханием.

– Далеко ещё? – донёсся до Горчака жалобный возглас Корса.

Милена что-то ответила, грубо и коротко, что именно – наёмник не расслышал. Голоса пробивались сквозь пелену тумана неохотно. К обычному лесному шуму тут добавились совсем уж необъяснимые звуки. Несколько раз Горчак останавливался, прислушиваясь: ему чудились то шум битвы, то колокольный звон, то голоса, зовущие и отзывающиеся. Мерещился далёкий смех, тоскливое пение, утиное кряканье и коровье мычание. Раз или два сквозь прорехи в тумане на миг проглядывали странные пугающие картины. Гнилое дерево превращалось в скользкий чешуйчатый хвост, кочка – в застывшего с раскрытой пастью водовика, куст – в растопырившую когтистые лапы кикимору.

– Эй, куда? – заорал Молнезар.

Дубыню, провалившегося в мутную воду по пояс, ухватили под руки оба его сотоварища.

– Ты куда это сиганул? – спросил Корс.

– Там девка была. Вроде как тонула, — смущённо протянул Дубыня.

Милена повернулась к ним, бледная и суровая.

– Нечего по сторонам глазеть. Меньше про девок думайте. Смотрите прямо – целее будете.

– Но там же...

– Морок. Или болотница.

– Болотница? – переспросил Корс, озираясь.

– Русалка болотная, – пояснила девушка. – Скучно им тут, вот они и выглядывают. Чай, не каждый день по Рямам люди ходят. Напасть они не нападут, но в трясину заманить могут.

– Тут, кроме этих болотниц, много кто обитает, да?

– А как же! Шуликуны крюкорукие живут, оржавиники, кикиморы, вировники, багники, ну и болотники обычные. Но вам про них знать не надо. Днём они спят, а к ночи мы уже из болота выберемся. Если же не выберемся...

Милена замолчала, пристально посмотрела на парней, и вдруг захохотала.

– Ох, видели б вы себя со стороны! Что, в штаны наложили? Ну, удалцы! Смелчаки-хваты, кося сажень! Шучу я. Нет тут никого, выдумала я всё. Мерещится вам со страху что ни попадя.

Парни неуверенно заулыбались, а Милена, бросив взгляд на Горчака, перехватила поудобнее шест и пошла вперёд.

Наёмник не спешил идти за остальными. В грязи, совсем рядом с тропой, он разглядел свежий крупный трёхпальный след. У красавиц болотниц есть только один недостаток – их ступни, похожие на гусиные лапы. Осторожно ступая на кочки, он отошёл в сторону, стараясь заглянуть за туман, где Дубыне почудилась девка. Трясина волновалась и булькала, шевелились уродливые мясистые стебли хвоща, но ничего похожего на бледную болотницу высмотреть не удалось. Горчак, само собой, не сильно на это надеялся. Нутром он чуял на себе внимательные взгляды местных обитателей. Пока они осторожничали, выжидали.

Милена уверяла, что знает короткую и безопасную дорогу, и в Рямах они надолго не задержатся, но, по прикидкам Горчака, солнце уже перевалило за полдень, а конца-края хлюпающей сырости видно не было. Наоборот, туман всё уплотнялся, словно они попали в большее тухлое облако, и казалось, что скоро придётся прорубать в нём дорогу топором.

О Рямах ходило много разных слухов. Все, как на подбор, были жутенькие. Говаривали, что появилось это болото на месте древнего могильника давно сгинувшего народа змеелюдов, которые жили долго, умирали редко, но тела их, разложившись, источали яд, превращающий в гиблые топи любое место. Где-то в глубине болота, кишасей чудищами и опасным зверьём, по словам тех же сплетников, сохранились гробницы с диковинными вещами, напитанными змеелюдским волшебством. Смелчаки порой совались туда, и некоторым даже посчастливилось вернуться обратно. Горчак знал одного такого, уверявшего, что нашёл в каменной треугольной башне посреди Рям янтарный змеиный глаз, дарующий неуязвимость в бою. Куда делся талисман, когда его хозяина потоптала на Чёрной Речке немецкая конница, наёмник не ведал.

Вопль из туманной гущи донёсся как раз когда Горчак шагнул мимо кочки и по колено провалился в чёрную жижу, щедро хлебнув её сапогом. Идущий перед ним Молнезар замер на месте, и, когда наёмник выбрался и поспешил на крик, пришлось отпихивать ковалёва сына с пути. Даже несмотря на то, что болото коверкало звуки почти до неузнаваемости, Горчак разобрал голосину Дубыни.

– Вот же, смотрите! – кричал здоровяк, шаря по спутникам дикими глазами. – Болотник! В тине весь, с бородищей!

Они с Корсом прижались друг к дружке – Дубыня горланил, тыча пальцем в заросли корявого болотного кустарника, а Попович, наоборот, занемел со страху и стоял, выпучив зенки и вцепившись трясующимися руками в копьё. Милена с Горчаком подоспели одновременно. Девушка отбросила жердь и выхватила лук.

– Ты ж говорила: нету тут никого! – стуча зубами, пискнул Корс.

– Да замолкни ты! – сердито обронила Милена, накладывая стрелу на тетиву, и сказала в туман: – Покажись, кто там есть?

– Не стреляй! – ответили ей. Кусты зашевелились, высунулась черная бородатая морда. – Не болотник я!

Милена опустила лук.

Чумазый, с ног до головы покрытый тиной человек неуклюже выдрался из кустарника, пошлёпал по грязи. Одежда его, казалось, пошита была из мха, ряски и кусков грязи.

– Не болотник, ясное дело, – сказал Горчак. – А кто тогда?

– Симеоном меня звать, – ответил человек, опасливо поглядывая на Милену. – Убрала б ты стрелу, девица. Чай, вы не разбойники, на путника-то нападать?

– Мы-то – нет. А ты?

Симеон переступил босыми ногами, почесал бороду.

– Какой из меня разбойник? Отшельник я, хижина моя тут рядом.

Оживший Корс хмыкнул.

– В болоте живешь?

- Живу, – горестно произнёс заморыш, дважды кивнув.
- А прячешься зачем? Следишь из кустов?
- Дык боязно! Идёте, с оружием... кто ж знает, что у вас на уме?
- Так почему не сбежал, раз тебе боязно? – вмешался Горчак.

Отшельник вздохнул тяжело, выжимая подол рубахи.

– Людей не видел давно. Почитай, два десятка лет. Тут же не ходит никто.

– Как не ходят? Разве это не тропа?

Симеон хихикнул.

– Какая ещё тропа? Тропа там, на закат, а вы в самую топь бредёте. Тут, кроме меня да нечисти всякой, никого и не бывает.

Зардевшаяся девушка шагнула вперёд.

– Врёшь, старый пень! Я ходила тут с отцом!

– Запомню, значит, –нисколько не обидевшись, ответил отшельник. – В таком туманище не грех заблудиться. Я это болото знаю, истоптал его вдоль и поперёк. Хотите, правильную дорогу покажу, выведу вас к тропе?

Милена фыркнула и отвернулась.

– Ну, покажи, сделай доброе дело, – сказал Горчак.

– Я вам помогу, а вы мне, – разулыбавшись, проговорил Симеон.

– Это чем же?

– Давно человеческой речи не слышал, а самому с собой разговаривать надоело до смерти. Я вас до тропы доведу, а вы расскажите мне, что в мире творится.

Горчак кивнул Корсу: давай, болтай, – а сам пошёл на привычное место, в хвост.

Они двинулись дальше, сразу сильно забрав влево. Туман скоро рассеялся, и стало понятно, что по болотам они блуждали дольше, чем думали. Дело уже шло к вечеру.

Похоже, старик не врал насчёт тропы. И хотя Горчак не привык доверять людям, прячущимся и подглядывающим из кустов, на этот раз пришлось смириться. Ночевать среди болота ему хотелось не больше, чем остальным.

Отшельник и впрямь отвык разговаривать с людьми – Корсу он не давал и слова вставить, болтал сам без умолку.

– Нас было семь братьев, – доносилось до Горчака. – Матушка с батюшкой были люди простые, и, чтоб не путаться, называли нас всех одинаково, Симеонами. Жили мы, семеро, как один – всё вместе. Озорство какое затеваем – вместе, дело делаем – тоже вместе. А как война началась, так нам, всем семерым, дорога одна была – в княжеское войско. Воевать мы не хотели, ноги в руки – и бежать. Добежали аж до Истопки. А там колдун нам повстречался заморский, из самого Регистана, ну и напросились мы к нему в науку. Ох, за те десять годков, что были в услужении, натерпелись мы лиха, насмотрелись всякого, но колдун, хоть и злодей, а науку преподавал по-честному. Старшего брата научил ковать столб железный, двадцати сажень в высоту. Второго – этот столб поставить в землю торчком. Третьего – залезать на тот столб и смотреть, что вокруг творится. А четвёртый – это я, Симеон Средний. Меня он научил строить летучий корабль.

– Летучий корабль?! – ахнул Корс. – И что, построил ты его?

– А как же, – сказал Симеон, вздыхая. – Построил. На нём я и сбежал от колдуна и родных братьев. Если б не наука эта, не хоронился бы я тут, в болоте. Но нет, через этот летучий корабль всё и получилось, будь он неладен. Жестокий человек был тот колдун, неспроста он нас научил своим наукам. Это на первый взгляд думается: что за бессмыслица, железный столб какой-то ставить торчком, но регистанец наш был не дурак. Задумал он стать самым сильным на свете колдуном, с нашей помощью.

– А чему остальные-то выучились?

– Шестой – с кораблем в воду нырять и плыть невредимым, а седьмой – хватать, что колдуну надобно и тащить на корабль.

– А пятый?

– Пятый... Пятый слово знал, чтоб корабль летал.

– А ты сам не знал, что ли? Как же ты смог сбежать?

Отшельник ответил не сразу, долго они хлюпали по грязи в полном молчании.

– Погубил брата колдун, только и успел тот поднять корабль над землёй. Уж как летел я – со страху и не упомню, занесло меня в эти болота, тут и плюхнулся корабль в трясину. Брата схоронил, и живу теперь здесь. Из болот не выхожу: знаю, что колдун меня ищет. Не сам, конечно, а свора его чародейская. Что с остальными братьями случилось – не ведаю. Поначалу ждал, что отыщут они меня, да, видимо, не до того им.

– Что ж брат тебя слову не научил летательному?

– Скажешь тоже... Он сам десять лет учил, как слово это узнавать. Оно каждый раз – новое, наперёд надо волшебную книгу прочитать от корки до корки, ни строчки не пропуская, и только тогда на последней странице слово то будет написано.

– Ну и прочитал бы, пока в болоте сидишь.

– Не умею я. Написано там не по-нашенски. А я и по-нашенски еле-еле слова складываю...

Одним ухом прислушиваясь к болтовне Симеона, Горчак не забывал держать другое ухо остро. Парни забыли про осторожность и сбились в кучу возле отшельника, даже Милена придержала шаг, чтобы слышать, о чём они толкуют.

Болото давно осталось позади. Искорёженные отравленным воздухом деревца и кусты больше не уродовали лес, под ногами появилась хорошая утоптанная тропа. Но, чем дальше они шли, тем больше Горчак чувствовал тревогу, и тем сильнее злила его беспечность деревенских.

Конечно, никто из них, увлечённых рассказом Симеона, не расслышал тихого лязга. Наёмник мигом вытащил меч, но оклик его заглушил лихой протяжный свист. На парней упала широкая сеть, накрыв всех разом. Затрещали дубовые ветки, когда с них, будто огромные жёлуди, свалились лохматые фигуры. Горчак сразу понял, что их будет шестеро, и как их всех зовут.

Четверо разбойников навалились на бестолково копошащихся парней, Милена шипела и извивалась в лапах пятого. Самый толстый и бородатый Симеон, по всему видать – старший брат, повернулся к наёмнику, ощерив редкие зубы. В одной руке он держал увесистый кузнечный молот, в другой раскручивал кистень. Были они в ученье у колдуна или не были – оставалось тайной, но в том, что надорожное дело они знали – сомневаться не приходилось.

– Подойдёшь с мечом – зарежу девку! – сказал подлый грязнуля-отшельник, вынимая из-за пазухи кривой ножик.

Горчак не остановился и меч не убрал.

– Режь, мне-то что? – проговорил он. – Я за этих лопухов вступаться не собираюсь. Пойду своей дорогой, а вам советую схорониться получше. Человек я искренний и болтливый, буду про вас сказывать всем, кого встречу. Так что скоро сюда пожалуют посадские дружинники и деревенские мужики. Вот тот белобрысый, как раз, – затонского старосты сын.

Рот старшего Симеона растянулся ещё шире. Горчак подумал: есть люди, которым улыбаться совсем не следует.

– Ты, болтливый, просишь живым тебя не выпускать, так? – просипел атаман.

– Ого! Толстобрюхий прямо жути на меня нагнал! – отозвался наёмник. Помахивая клинком, он приближался к разбойнику. – Только котелок у тебя не варит совсем, я погляжу. Не на того вы бредень набросили, душегубцы.

Теперь все семеро смотрели на него – даром, что копошащиеся парни запутались уже в сети намертво.

– Сидите вы тут, в чаще, караулите путников, обираете их, кого и под нож пускаете... и не думали – не гадали, поди, что забредёт к вам сам Тарас Злохотник. Ну, сознавайтесь! Не думали?

Симеоны разинули рты. Милена перестала трепыхаться.

– Это ты – Злохотник? – недоверчиво спросил атаман. – Что-то молодой ты больно.

– То с лица, а сам окрепый. Жинка много эликсиров наготовила, прежде чем попы её спалили, я и пью их помаленьку. Не веришь? Вон, посмотри, я девке нож свой подарил намедни, там – клеймо на рукоятке. Моё клеймо, семь стрел на луке. Ножик этот мне от самого Богдана из Бразды достался, как раз перед тем, как его Худой Ян изловил.

Разбойник, что держал Милену, рассмотрел кинжал и кивнул атаману. Старший Симеон перестал крутить кистень, почесал затылок молотом.

– Злохотника мы уважаем, – пробормотал он. – А ну, как брешешь ты?

– А проверь, душегубец. Вот этим мечом я немтырей положил – на хороший погост хватит. И перед вами не сильно трепещу отчего-то. Ну, проверять будешь?

– Немцев «немтырями» назвал – точно с Полесья! – бормотал атаман. – И клеймо Тарасово, и Богдана знаешь... А как жинку твою звали, Злохотник?

Горчак покачал головой укоризненно: «вот, мол, невера», а про себя – выругался. Хитрый разбойник переплутывал-таки его.

– Белославой её звали! – злобно выкрикнула Милена. Лютыми глазищами она сверлила Горчака. – Все уши прожужжал он мне своей Белославой, будь она неладна!

– Сходится, – сказал разбойник. – А ты не серчай, Тарас. Кто ж знал? Слыхал я, что ты поблизости ошиваешься. Ну, так то – слухи...

– Ошиваетесь тут вы, братцы-душегубы. А я живу теперь безмятежно, в деревне. Охотой промышляю. Да развязывайте-то соколиков, а то ведь зверя бить – доблести мало, вот и хочется порой, по старинке, мечом кого-нибудь пощекотать.

Старший Симеон заулыбался, теперь – вполне по-доброму, и Горчак ослабил в ответ.

Пока распутывали парней, Милена подошла к наёмнику и прошипела на ухо:

– Как ты смеешь... скоморох безмозглый... Злыдень проклятый... отца с матерью срамить. Не позволю...

Наёмник поглядел на неё искоса и ответил так же тихо:

– Не позволяй, конечно. Только начни потом, когда от разбойников отделаемся. А сейчас – язык прикуси и подыгрывай.

Глава пятая

Горчак сидел возле костра, отгонял дрему и пытался припомнить вторые имена Симеонов, придуманные ими же самими, чтоб не путаться.

Корс слушал байки тощего Симеона, – того самого, встреченного в болоте, – братья называли его Тоняком. Другой, Наум, крутил перед носом Поповича волшебной книгой, написанной на древнем языке, водил костлявым пальцем по строчкам. Горчак заглянул в неё одним глазком: каракули каракулями, даже на буквы не похоже.

Эти двое Симеонов меньше других походили на разбойников. Остальные пятеро, рассевшиеся кружком и черпающие по очереди из большой бадьи непонятный, но очень весёлый напиток, наоборот, мало напоминали учеников чародея. Все, как на подбор, вихрастые, жилистые и вёрткие.

– Наяш Нагари! – произнёс Наум громко и значительно.

Разбойники, как один, на миг замерли, точно стражники в карауле. Потом старший Симеон, прозванный Головой, плюнул трижды через левое плечо, и все вернулись к своим занятиям.

– Имя такое чудное, – сказал Корс.

– Это тебе оно чудное, а ему – самое обыкновенное.

– Издалёка он сюда прибыл?

– Издалёка и издавна. Прожил на свете Наяш Нагари пять тыщ лет.

Попович усмехнулся.

– И не человек он вовсе! – сурово сказал Наум. – Не знаешь – не скалься! Слышал про виевичей, змеелюдов? Хотя откуда тебе...

– Как же, нянька сказки мне почитывала, и про змеелюдов там было. Один всё ходил с закрытыми глазами, а когда двенадцать молодцев ему вилами веки подняли, начал он жечь всё, на что кинет взор.

Симеоны переглянулись.

– Не сказка это, – сказал Тоняк. – Ядовитое око Наяша Нагари повязкой прикрыто. На кого посмотрит – тот чахнет, прямо на глазах. Вон, на Жоха он взглянул всего разок, так тот хворает до сих пор.

Младший Симеон как раз черпал из бадьи. Был он маленький и тощий, как мальчишка, борода – клоками. Даже сидя на бревне, с кружкой в руке, он без остановки подёргивался, подмигивал, поёрзывал, словно это не он сам был, а его отражение в подёрнутой рябью воде.

– И охота вам тут, в лесу, торчать? – покашляв, сказал Корс. – С вашими умениями дело везде можно найти, а вы – разбойничать!

– Это точно, – буркнул Наум. – Только не можем мы. Не отпускает нас колдун. Когда мы в ученье к нему просились, он взял у каждого волосы, ногти и кровь, амулеты сотворил чародейские. Хуже кандалов. Он в болоте сидит, а мы дальше трёх вёрст от этих амулетов отойти не можем.

– Так вы бы могли...

– ...амулеты украсть? Отобрать? Конечно. Могли бы. Умений наших хватило бы даже Наяша Нагари перехитрить. Только не достать его. Среди болот – цельный город змеелюдский, он там и живёт. Ему – хоть бы что, а человеку тамошний воздух – отравя. Вот и выходит: думали мы, что сбежали от него, а оказалось, просто в темницу побольше попали. Но мы стараемся, конечно. Вот, Тоняк лучше всех из нас болота знает, днями и ночами рыскает в Рямах, город змейский ищет. Пока не выходит: чуда болотные мешают, туман, дух ядовитый. А, может статься, это колдун ему глаза отводит, путает.

Горчаку наскучило слушать их трёп. Симеоны ему не нравились, в силу имени Злохотника он не очень-то верил, и в зыбкое перемирие – тоже, но поговорить со спутниками и спланировать тихий побег никак не получалось. Милена отворачивалась, как только он оказывался рядом, а потом и вовсе прибилась к компании пятерых разбойников, болтала и хохотала вместе с ними. Дубыня и Молнезар уже давно дрыхли в сырой замшелой землянке, разбойничьей берлоге.

Поляна Симеонов напоминала Горчаку в спешке покинутый военный лагерь: кругом валялись разбитые горшки и миски, поломанные жерди и хворост, разбойничье оружие валялось кучей, вперемешку. Поляну окружали суровые столетние ели со свешивающимися до земли широкими лапами. Сухие иглы устилали землю, как арбалетные стрелы. Даже брёвна, на которых братья-разбойники устраивали посиделки были грубыми и сучковатыми. С одной стороны поляна заканчивалась каменистым холмом, с другой – неглубоким оврагом, с бежавшим по дну ручейком.

Пятеро Симеонов уже порядком окосели. Огромный Голова промахнулся мимо рта, облив хмельным напитком кузнеческий передник из толстой кожи. Остальные захохотали. Маленький Жох потянулся приобнять Милену, но не удержался на бревне и завалился в острые колючки.

– Спать пора! – сказал Горчак. – Вставать рано, и путь нам предстоит неблизкий.

– Ничего, проводим вас, чин-чинарём! – отозвался один из Симеонов, с потешным прозвищем Ногорук.

Горчак кивнул Корсу, тот нехотя подошёл.

– Дуй в землянку, буди своих. Скажи им: как только хозяева утихомируются, мы уходим.

Попович заморгал.

– В ночь? Опять в болота? К этим... крюкоруким? До утра, что ли, нельзя дотерпеть.

– Делай, что велено, – зашипел Горчак. – Тогда до утра доживёшь. И девку предупреди.

Сам он прошёлся по поляне, подобрал свои пожитки и расстелил одеяло рядом со входом в землянку, под нависающей еловой веткой. Меч положил под бок и прикрыл глаза.

– Чего под крышу не идёшь? – спросил его один из разбойников, кто именно – он не разобрал.

– Не привык. Да и ветхая она у вас больно, того и гляди – развалится.

– А меч чего ухватил? – не отставал докучливый Симеон.

– А скучно одному, – ответил Горчак.

У костра зашевелились. Наёмник повернулся на бок, незаметно взялся за рукоять меча, но клинок вдруг дёрнулся, словно его ухватил кто-то невидимый.

Старший Симеон стоял, раскинув руки. Всё железо, что было на поляне, ползло к нему вереницей больших блестящих жуков.

– Шутить вздумал, разбойничек? – сказал Горчак, с трудом удерживая в руке меч – видимо, с силой волотов-кузнецов, сковавшим его в стародавние времена, колдун-железодел совладать не мог.

– Не я один шутить люблю, – ответил Голова. Он хоть и пошатывался, но языком ещё ворочал. – Ты вот – тоже. Назвался Злохотником, про жизнь свою пел так складно, да только пробрехался кое-в-чём. И придётся тебе ответ держать теперь, где Тарасов ножик взял, и откуда проведал про него.

Наёмник скрестил руки на груди. Нигде он не пробрехался, и оправдываться не спешил, уверенный, что разбойник просто проверяет его. Голова смотрел весело и беззлобно. По всему судя, он готов был уже рассмеяться и замириться, но всё испортила Милена.

Пинком опрокинув бадью прямо в костёр, она отвесила добрую оплеуху стоящему рядом с ней хворому Жоху.

Симеоны неловкой кучей ломанулись кто куда: сам Голова бросился к Горчаку, книгочей и корабельщик – к Корсу, остальные, кто ещё стоял на ногах, – к оружию. Они сталкивались, падали и во всё горло поносили чужих и своих. В темноте они не шибко разбирали, кто есть кто, и наёмник, увёртываясь от кузнеца, заметил, как дюжий братец, выучившийся ставить железный столб торчком, хрястнул булавой по спине многострадального Жоха. Из землянки выскочили, шальные спросонья, Молнезар с Дубыней, и с ходу нырнули в суматоху.

– Все сюда! Быстро! – крикнул Горчак.

Он вломился в кусты. Дёрнувшийся следом Голова с разбегу шарахнулся лбом о крепкий еловый ствол, аж загудело. Молнезар, первым откликнувшийся на зов, споткнулся об его грузное тело и кубарем покатился в овраг. Дубыня, побежавший следом, со всего маха наступил на валяющегося старшего Симеона, и полетел туда же, размахивая ручищами, как мельница.

Наёмник, проклиная свою участь наседки, завертел головой, выискивая в темноте Корса и Милену, но они нашлись сами. Вынырнув из-за широких еловых лап, нырнули в овраг, догнали внизу остальных и сцепились с ними в ручье мокрым бестолковым комом. Симеоны не сразу разобрались, что чужаки сбежали. Пока Горчак съезжал, цепляясь за торчащие из склона корни, они продолжали ругаться и метаться по поляне. Только когда очухавшийся Голова заревел атаманским голосом, они прекратили возню и ломанулись следом за беглецами.

Наёмник бежал, оглядываясь, и ему посчастливилось увидеть замечательную картину разбойничьей погони: валились вниз они гораздо красочнее, чем Дубыня с Молнезаром. Жох верещал и булькал, придавленный тушей атамана. Ловкий Ногорук, испорченный хмельными посиделками, скакал по ухабам, как перекасти-поле. Двоих учёных, задумавших спуститься умно и осторожно, сбил катящийся верхом на щите белобрысый Симеон по прозвищу Бульбух – тот, что умел нырнуть вместе с кораблём под воду. Втроём они славно бульбухнулись в ручей.

– Наверх, быстро! – кричал Горчак, подталкивая Корса в спину.

Попович покорно полез по склону, неловко цепляясь левой рукой за жухлую траву. Правой он прижимал к груди сумку, и только глядя на неё, Горчак с досадой осознал, что все его пожитки, кроме одного-единственного меча, остались в логове Симеонов. Когда Дубыня с Молнезаром вылезли из оврага следом за ними, оказалось, что и они не прихватили ничего. Зато отличилась Милена. Её лук и отцовский нож были на месте, колчан – правда, пустой, – тоже, даже дорожный мешок с пожитками и припасами оказался при ней.

– Стойте, – сказала она, роясь в поясной сумке.

Парни покорно остановились, поглядывая вниз, где шумно бежали по дну ручья разбойники. Милена вытащила из сумки маленькую бутылочку, обмотанную от горлышка до дна веревкой, выдернула пробку и глотнула.

– Вот, пейте. По маленькому глотку.

Все пили молча, только Горчак, принимая бутылочку, посмотрел на Милену.

– Чтоб бежать шибче и видеть лучше. Настой чернобыльника, кукушкиных слёз и дурман-травы.

– Чего? – ахнул Корс.

– Чего надо! – огрызнулась Милена, исподлобья глядя на Горчака. – Ну, пьёшь ты, или что?

Наёмник поднёс бутылочку к губам. Горький отвар обжёг язык, потом скатился по горлу и горячим комочком упал в живот. Там он продолжил гореть.

Милена уже побежала дальше, парни – следом, а Горчак в последний раз оглянулся. С глазами что-то случилось: только что вокруг была темень, так что различить можно было только смутные очертания разбойников, теперь же ему удалось увидеть даже набухающую шишку на лбу Головы и свежую ссадину на Жоховой щеке. Он сделал шаг, другой, чувствуя в ногах необыкновенную лёгкость. В ушах шумело, звуки прилетали, усиленные эхом. Стволы

деревьев замелькали слева и справа, смазываясь в сплошной забор, словно наёмник нёсся по лесу на быстроногом скакуне. Впереди ловко петлял между сосен Корс.

Думать совсем не хотелось – хотелось бежать, не разбирая дороги, но Горчак всё-таки понял: они мчались обратно к болотам, к той самой милениной тропе, где им повстречался Симеон-корабельщик. Ковёр из хвойных иголок скоро сменился упругим мхом, а прохладный еловый воздух запах гнилью. Где-то глубоко в голове Горчака – там, где ещё сохранялись остатки осторожности, билась мысль, что надо бы остановиться и осмотреться: ночное болото – место опасное. Но глоток настоя дурман-травы огоньком горел в животе, и безрассудство тянулось от него вместо дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.